

Голод — это червь, что грызет желудок. Бай Тун прекрасно понимал это чувство.

Поэтому, когда Пэн Фань с покрасневшимся от жадности лицом выхватил у него из-под носа утку в медовом соусе, Бай Тун ничуть не удивился. Он лишь испытал легкое раздражение — потому что знал, что в драке всё равно проиграет.

С его телосложением, склонным к полноте, против абсолютной физической силы он был бессилен. Пэн Фань, схватив добычу, тут же бросился наутек. Единственным утешением было то, что на бегу он бросил: Деньги скоро переведу!

Бай Тун, который только что сделал шаг и споткнулся о край стола, тут же замер.

Сказал бы раньше! Из-за него он впустую получил удар об угол стола.

Удар пришелся болезненно, и на глазах у Бай Туна чуть не выступили слезы. Они задрожали в уголках глаз, и когда наконец скатились, то блестели, словно рассыпавшиеся звезды.

Пэн Фань обернулся и увидел эти влажные глаза. Даже самое черствое сердце не выдержало бы такого зрелища. Пэн Фань опешил и с глухим стуком врезался в дверь.

Ай! — он схватился за лоб и запрыгал на одной ноге.

Рядом с комнатой Пэн Фаня находилась ванная. Он прислонился локтем к косяку, слушая, как внутри кто-то плещется в воде.

Было уже поздно, и это показалось Пэн Фаню странным. К тому же, у родителей была собственная ванная, а этой пользовались обычно только он сам и Бай Тун.

Кто там? — спросил Пэн Фань. Его пальцы, перепачканные в фирменном соусе, липли, и он хотел поскорее помыть руки.

М-м... это я.

Отец Пэна.

Пэн Фань не стал раздумывать и просто ответил: А, ясно. Почему ты не моешься в главной спальне, а пришел сюда?

Не хотел беспокоить твою маму, — голос Отца Пэна звучал приглушенно.

В шуме воды слышалось нечто двусмысленное, понятное любому мужчине. Пэн Фань приподнял бровь, откусил сочный кусок утки — вкуснотища! — и насмешливо усмехнулся:

Не ожидал. Старый порох еще годен.

В ванной долго стояла тишина, слышался лишь шум воды да тяжелое дыхание.

Пэн Фань вернулся в свою комнату с остатками утки. Внутри было душно, он включил

кондиционер и под прохладным потоком воздуха принялся за еду. Украденное всегда вкуснее, и вскоре от утки почти ничего не осталось.

Оставшийся кусочек выглядел особенно аппетитно, но, присмотревшись, Пэн Фань заметил на нем маленький след от зубов.

Первой мыслью было: надо же, какие ровные зубки.

И лишь секунду спустя до него дошло: Черт, этот придурок уже откусил!

Но еда была уже проглочена, и вызвать ее обратно не представлялось возможным. Раньше, если он случайно съедал что-то после другого, его тут же начинало мутить, но сегодня — не только не стошнило, но и пошло на ура. Неизвестно, дело было в самой утке или в чем-то еще. В любом случае, голод был утолен.

Уже лежа в постели с полным желудком, он вспомнил, что нужно перевести деньги Бай Туну. На коробке стояла цена, и Пэн Фань заметил, как ценник с первоначальных 25 упал до 9.9. Время на наклейке — девять вечера. Значит, этот скряга ждал уценки до самого конца! Скупость до мозга костей!

Прожив полжизни в достатке, он не мог понять такой мелочности, а еще меньше понимал, почему Бай Тун вечно ведет себя так, будто семья Пэн его притесняет. Пусть Ян Ша и была к нему строга, но ведь она его вырастила, одела и накормила — разве это можно назвать жестоким обращением? Пэн Фань списал странное поведение Бай Туна на дефекты характера. Он не понимал забитых, чувствительных и неуверенных в себе людей.

А если он такой забитый, то почему... почему доедает за ним слюни?

Щеки Пэн Фаня вспыхнули. Если он будет так гореть дальше, то через пару часов его лицо станет краснее, чем утка в соусе.

Пока он маялся жаром, из ванной вышел Отец Пэна.

Сяо Тун тоже вернулся? Почему я его не видел? — спросил он.

Пэн Фань закрыл лицо рукой: Наверное, спать пошел. Уходи уже, мне надо помыться, завтра с утра совещание в компании.

Отец Пэна кивнул: Тогда отдыхай, я... я пойду.

Пэн Фань буркнул что-то в ответ, краем глаза заметив, что отец стоит перед дверью Бай Туна, явно не желая уходить.

Тьфу.

Всего-то поел утки, а словно объелся дурман-травы: всё вокруг кажется подозрительным и неправильным.

Пэн Фань сполз с кровати и направился в ванную, только после этого отец медленно удалился. Этим санузлом пользовались только он и Бай Тун, у каждого были свои принадлежности. Пэн

Фань, все еще думая об отце, машинально потянулся за полотенцем, но почувствовал что-то липкое.

Черт! — мужчина сразу понял, что это за дрянь.

Пэн Фань с отвращением взглянул на полотенце: на нем красовались несколько горячих кудрявых волосков.

Это перебор!

В порыве ярости он швырнул полотенце в корзину и с раздражением понюхал руку.

Черт! Несет унитазом!

Разъяренный Пэн Фань со всей силы пнул дверь комнаты Бай Туна. От злости он даже не рассчитал удар, и дверь с треском поддалась.

Погода была переменчивой, в комнате стоял зной. Комната Бай Туна когда-то была кладовкой, которую переоборудовали для него: стол, окно, кровать и никакого кондиционера. От жары Бай Тун сидел в одной белой майке перед маленьким вентилятором.

Его черные волосы, мягкие, как морские водоросли, обрамляли утонченное лицо. Длинные ресницы, словно крылья, дрожали под порывами воздуха. Услышав грохот, он испуганно обернулся. Его бледные губы приоткрылись, а в широко распахнутых глазах блеснула влага. В этот же момент бретелька майки соскользнула с плеча, обнажая его часть.

В обычной ситуации, когда двое мужчин сидят в майках, не было бы никакой проблемы. Но сегодня Пэн Фань словно наелся той самой «неправильной» утки: сначала покраснел, потом сердце забилось в бешеном ритме, а в голове зазвучали любовные песни.

Что-то случилось? — Бай Тун выключил вентилятор и посмотрел на Пэн Фаня.

Его взгляд был притягательнее женского. На лице не было выражений, но стоило ему чуть прищуриться, как это начинало действовать гипнотически.

Пэн Фань сглотнул, вспоминая, зачем пришел.

Зачем ты делал это со своим полотенцем? Тебе не противно?

Бай Тун озадаченно посмотрел на него и открыл ящик, где лежали его личные вещи.

Я уже два дня не пользуюсь этим полотенцем, — холодно ответил он. — В прошлый раз оно упало в унитаз.

Э-э... — Пэн Фань почувствовал неловкость. — Решил играть в независимость? Сколько тебе лет, почему ты такой мелочный, как игольное ушко?

Бай Тун ничего не ответил, лишь бросил взгляд куда-то в сторону Пэн Фаня.

Ч-чего? — Пэн Фань вспыхнул. Под этим пронзительным взглядом ему стало невыносимо жарко.

Бай Тун произнес: Быть мелочным — не беда. Не то что некоторые, у которых это самое место размером с иголку.

Черт! — Пэн Фань сжал кулаки, намереваясь проучить его.

Раньше тот двух слов связать не мог, а теперь стал таким острым на язык, что сил нет.

Пэн Фань прошипел: Думаешь, я не посмею тебя ударить?

Бай Тун ответил: Боюсь, пожалуйста, не бей.

Пэн Фань думал, что если тот продолжит дерзить, он даст ему пощечину, чтобы поставить на место. Но ответ был настолько покорным, что это даже обезоружило.

Пэн Фань рассмеялся: Совсем нет хребта? Слюнтяй?

Ага, точно, — согласился Бай Тун.

Пэн Фань хмыкнул: Ладно, не буду. Значит, это не ты?

Бай Тун сохранял невозмутимость. Ветер растрепал его волосы и приподнял край широкой майки, обнажая полоску кожи на талии, белой, как тофу в лунном свете.

К носу Пэн Фаня снова донесся этот молочный запах, густой и нежный, окутывающий словно вуалью. Лунный свет был прекрасен.

Бай Тун отвел взгляд: Не я. Может, кто-то другой перепутал.

Пэн Фань почувствовал в его словах намек.

Эй, хватит на меня так смотреть! Даже если бы я ослеп, я бы не притронулся к твоим вещам! Эту дрянь я выкинул, противно!

Бай Тун кивнул: Ага, точно.

Кулаки Пэн Фаня сжались: Оденься нормально! Чего разгуливаешь в одной майке!

Бай Тун снова кивнул: Ага, точно.

Пэн Фань хотел ударить, но так и не смог. Он развернулся и, пылая от злости, вышел. По дороге он все думал: действительно ли кто-то перепутал? Как ни крути, ситуация была... отвратительной. Он махнул рукой и внезапно вспомнил про отца. Ведь именно отец последним заходил в ванную.

Перед тем как заснуть, Бай Тун получил письмо от профессора Фу. Тот был недоволен его отчетом и настаивал на личной встрече. Бай Тун не придавал этому значения: обсуждение темы с научным руководителем — обычное дело перед выпуском.

Покончив со всеми делами, он отправился умываться. Полотенце в корзине уже исчезло. Бай Тун задержал взгляд на ведре, тонкие губы изогнулись в понимающей улыбке.

Он плеснул водой на лицо и посмотрел в зеркало. Черты лица казались почти детскими, а из-за отсутствия эмоций — немного глуповатыми. До попадания в эту книгу он был восемнадцатым дублером: подменял руки, ноги, спины... он видел столько красавцев в шоу-бизнесе, что его восприятие красоты притупилось, и он вовсе не считал себя привлекательным. Это лицо казалось ему самым обычным.

Обычный Бай Тун достал из туалета вантуз и положил рядом с кроватью. Благодаря Пэн Фаню замок на двери был сломан, так что Бай Тун даже не закрывался.

Ночь укрыла комнату тьмой. Бай Тун лежал, приложив руку к шее. Под кожей билась жилка — такая же спокойная и тихая, как он сам. Ему было не по себе, словно под кожей ползали насекомые. Он привык к этому ощущению и, укрывшись одеялом, пытался унять мысли.

Не думать, не бояться, не желать.

Зуд на коже постепенно сменился другой мыслью. Когда оригинал Бай Туна располнел из-за болезни, окружающие стали смотреть на него с презрением, обзывая «жирным». У него не было друзей, не говоря уже о близких. Он был одинок, а когда в самый уязвимый момент потеряли его родители, он остался совсем один. Жизнь на чужбине сделала его слабым, он не умел отличать добро от зла и верил каждому, кто его заговаривал. Как Отец Пэна — одна фраза «ты мне нравишься», и парень был готов на всё.

Воспоминания, окрашенные в розовый цвет, постепенно отступали, обнажая истинное, сальное лицо.

Хлюп.

Хлюп.

Скрип.

Дверь была распахнута. Тяжелые шаги и сбивчивое дыхание смешивались с капаньем воды из крана. Кто-то приближался. Дыхание этого человека было тяжелым и лихорадочным. Он остановился у кровати Бай Туна, склонив голову, с горящим, возбужденным взглядом.

— ... — в темноте раздался невнятный звук, и Бай Тун резко сел.

Отец Пэна вздрогнул, он сделал шаг вперед, пытаясь придавить плечо Бай Туна.

Бай Тун знал, что физически слаб, поэтому заранее приготовил средство самообороны. Он схватил вантуз и со всей силы вlepил его в лицо Отцу Пэна.

— А! — вантуз плотно присосался к носу и рту, лишая возможности кричать. Мужчина пятился, не видя дороги, и, беспомощно размахивая руками, как перевернутая черепаха, рухнул на спину.

Когда его глаза привыкли к темноте, он наконец разглядел силуэт Бай Туна.

Бай Тун был чертовски красив. Он даже не осознал своего положения, как увидел, что тот смотрит на него сверху вниз, держа в руке тяжелый словарь.

Бай Тун тихо произнес: Самое время. Чтобы не оставить потомства и идти с миром.

— Нет... — Отец Пэна не успел договорить, как словарь с тяжелым стуком опустился вниз.

— А-а-а-а!

Автор хотел сказать:

[Бай Тун хлопает в ладоши: Ваш заказ на «отрезание» доставлен]

[Рубрика «Как разбогатеть»: Парень, живущий на подачках, смог купить виллу у моря благодаря уникальному мастерству! В чем же его секрет?

Бай Тун: Спасибо за вопрос. Работаю ветеринаром, кастрирую собак — на новую виллу у моря хватило с лихвой]

<http://bllate.org/book/21952/2280876>